

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ МОНОЛИНГВОВ И БИЛИНГВОВ: ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПОСТРОЕНИЕ СВЯЗНОГО ТЕКСТА В УСТНОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ – РУССКОГО И СЕЛЬКУПСКОГО)

Кузнецова А.И.

Московский государственный университет
kuzn@kuznec.mccme.ru, leon@philol.msu.ru

Возможные аспекты рассмотрения связного текста в устной речи.

Связный текст в спонтанной речи может иметь разные аспекты рассмотрения, тесно переплетающиеся между собой: аспект собственно лингвистический, социо- и психолингвистический. При каждом подходе выделяются свои параметры дискурса, но часть признаков при изучении текста оказывается общей для всех трех видов анализа. При исследовании дискурса с социолингвистической точки зрения важно учитывать социальный статус участников речевого общения, их возраст, образовательный ценз. В зонах языковых контактов в речи билингвов неизменно возникает кодовое смешение, сказывающееся на структуре связного текста. Однако разрабатывать систему правил речевой коммуникации только в рамках социолингвистики нецелесообразно. Для осуществления этого замысла необходимо привлекать психолингвистику, изучающую, в частности, особенности 'грамматики говорящего' и организацию устного дискурса. Именно психолингвистика исследует процесс речепорождения с его многочисленными проявлениями речевых колебаний (гезитации), влияющих на структуру речевого потока. Психолингвиста интересует, как участники акта коммуникации (особенно устного) осуществляют речевое планирование; в чем состоят затруднения говорящего в процессе речепроизводства; как вырабатывается автоматизм речи взрослых при малой степени автоматизации детской речи, на что, в частности, указывает Н.Г. Гармаш [Гармаш 1999: 1] и т.п. Моделирование «непричесанной» речевой деятельности человека вызывает большой интерес, но до сих пор не получило своего развития. Речь, пестрящая неоднозначными высказываниями, которая, как это ни удивительно, не создает особых неудобств для коммуникантов, представляет необычайный интерес для лингвиста. Лингвистика, изучающая устную речь носителя языка, исследует словарный запас говорящего (включающий, в частности, обилие так называемых дискурсивных слов), правильность использования говорящим грамматики, норм словоупотребления, произношения, оценивая таким способом его владение языком и активное знание языка (в отличие от пассивного). Лингвист обязательно должен учитывать социальные и психологические характеристики говорящего. Анализ спонтанной устной речи (запись которой представляет большую трудность – см. об этом, напр., [Миронова 1999; Беликов, Крысин 2000]) во многом зависит от того, точно ли фиксировались особенности записанного текста. Аккуратность передачи всех особенностей устной речи, включая паузы, самоисправления говорящего, сбои в употреблении грамматических форм и порядка слов, множество оборванных фраз

или отдельных слов, повторов одного и того же слова и т.п., предоставляет возможность лингвисту попытаться установить организацию устного дискурса.

Краткие сведения об анализируемых текстах.

В настоящей работе анализировались спонтанные русские и селькупские тексты. Русскоязычные тексты даны в орфографии, селькупские – в транскрипции. К сожалению, ни в одном из текстов не проставлено ударение, в том числе, – эмфатическое, отсутствие которого иногда ведет к допустимой двойной трактовке смысла. Учитывая разноречивость записи текстов и их недостатки, фонетические приметы связных текстов не исследовались. Все внимание было сосредоточено на структурно-грамматических особенностях монологических текстов, рассматриваемых с собственно языковой точки зрения и с учетом некоторых данных психолингвистики и социолингвистики.

Сравниваемые языки относятся к различным морфологическим типам языков (русский – флективный язык, селькупский – агглютинативный) и имеют различное происхождение (русский – славянский язык индоевропейской языковой семьи, селькупский – уральский язык самодийской группы). Материалы по русскому языку записаны от монолингвов, селькупские получены от билингвов, владеющих русским языком. Последнее обстоятельство является вынужденным: среди селькупов, от которых записывались тексты, не было ни одного монолингва (что в настоящее время характерно для языковой ситуации в районах проживания этого этноса), а среди русских, наоборот, – ни одного билингва.

Сопоставительному анализу подвергались тексты одного типа, в которых известное количество рассказывалось об охоте, рыбной ловле, о ярких эпизодах из жизни информанта и т.д. Материалы по спонтанной русскоязычной речи были любезно предоставлены мне Н.И. Мироновой, за что я благодарю ее. Запись 56 текстов, относящихся к 1980-1990-м гг., делалась от людей различных социальных групп со средним, средним специальным и высшим образованием (рабочие, работники сельского хозяйства, военнослужащие, учителя, врачи, инженеры, научные работники) и от представителей различных когорт. Устная речь северных селькупов собиралась в 1970-е гг. в Красноселькупском районе Тюменской области, в 1998-1999 гг. в селе Фарково Туруханского района Красноярского края. Среди носителей селькупского языка, от которых произведена запись, нет ни одного информанта с высшим образованием. Молодое поколение в настоящее время (в отличие от 1970-х гг. и более ранних) не владеет родным языком, поэтому записи 1990-х гг. велись только от людей среднего и старшего возрастов. Среди информантов-селькупов было несколько человек со средним специальным образованием, но большая часть даже не окончила школу. В основном все селькупы – рыбаки и охотники. Непосредственному сопоставлению, результаты которого здесь будут приведены, подвергались только тексты, записанные от людей одного социального статуса, приблизительно одного возраста, со средним и средним специальным образованием. При анализе текстов особое внимание уделялось рассмотрению особенностей дискурса в области морфологии и синтаксиса. Была сделана попытка

- обнаружить наиболее типичные признаки спонтанной речи рассказчиков и черты, общие и специфичные для связных текстов, записанных на каждом из двух языков;
- выявить среди разного типа дискурсивных слов такие элементы, которые обладают определенными функциями (структурирующими свойствами) и связаны с построением дискурса;
- установить причины особенностей спонтанной русской и селькупской речи и причины сходств и различий в построении связного текста в сравниваемых языках.

Далее приводятся отрывки из записей русской и селькупской речи, на примере которых можно будет продемонстрировать наиболее типичные для спонтанной речи

нарушения и инвентарь средств выражения речевых колебаний и дать ответ на поставленные вопросы.

Русские тексты.

1. ...а вообще-то с меня рыбак хороший // вот как пойду на рыбалку / утром особенно на базар / где большую рыбу особенно крупную продают // как зацепил килограмм на 15 на 20 понимаешь так // как засолю в кастрюльке / вот / на целую зиму почти хватает // понимаешь а однажды вот / на целые 25 килограмм одного...зацепил // вот / ну правда конечно / 25 рублей отдал // вот // и балык был хороший // вот // а //...вот сейчас весной / вот в этом году / в марте месяце или в феврале даже было / вот / собрал команду / нас пять человек поехало на рыбалку / в Отказное // вот ха-ха-ха / с утра холодина холодина // я-то выбрал самую лучшую (что: рыбалку? место для нее? – А.К.) в машине сидеть / и караулить рыбаков / когда будут идти замерзнут // вот // а вода...уже немножко лед от берегов отошел // пошли мои рыбаки понимаешь да // смотрю два рыбака идет / приходят понимаешь один раз два и провалился в воду // вот / ну а два немножко тут же похитрее были / обошли километра три дальше / и вышли...на берег // до обеда порыбачили // . В этом же тексте есть фрагмент о рыбной ловле (1а) на озере Мясцеево: «На я... на Мясцеево ездили там тоже на озеро но там с ночевкой // там этот... ребята понимаешь с вечера как приедем понимаешь че ж там // выпивону набираем / тогда ж было принято не то что сейчас // ой-ха-ха-ха // ну вот / целую ночь понимаешь то бреднем забросишь / затянем понимаешь в сети // удочкой никто понятия не имел тогда / честно говорю // вот».

2. В тексте 2 описывается, как рассказчик тонул: «ну плыли плыли / зацепился... за корягу / камера перевернулась / мы тоже в одежде уп...упали в воду // течение нас понесло [...] кто выплыл успел / но меня лично... начало окунать... в круговороте / [...] // потом окунулся [...] / круговорот выкинул наверх / уцепился за дерево /и кое-как вылез // после этого...не мог даже через воду перейти // глубина не очень большая была / испугался / и пошел по лесу / до самого моста / через мост перешел / пришел...туда к ребятам / а они смеются / у кого что утонуло ».

Во всех текстах обращает на себя внимание обилие включенно-личных предложений: отсутствие подлежащего компенсируется окончаниями глагола, поскольку речь ведется от первого лица. Использование таких предложений в данном контексте не мешает пониманию текста.

Особенности спонтанной речи носителей русского языка.

1. Наличие смысловых лакун, пропуски слов.

В устной непринужденной речи мысль опережает слова: в сознании как бы проигрываются разные варианты возможного использования тех или иных слов для описания следующего события; принятие речевых решений часто происходит при забвении того, о чем рассказчик должен говорить сию минуту. В результате оказывается нарушенным логическое построение текста, из которого выпадают целые фрагменты, возникает смысловая лакуна и нарушается последовательность событий, а слово остается произнесенным. В таких ситуациях рассказчик, заметив сам пробел в описании действия или почувствовав непонимание заинтересованных слушателей, может вернуться вспять и вставить пропущенное, или же игнорировать смысловой пробел, особенно, если видит, что окружающие понимают то, что он хотел сказать. См., напр., текст 1а, где после слова удочкой пропущен глагол *ловить*, однако данный эллипсис не мешает пониманию текста. В тексте 2, судя по всему, после глагола *смеются* пропущен глагол *рассказывают*, но и в этом случае легко понять (хотя и не мгновенно), что ребята смеются не над пришедшим, а по другому поводу. В данном тексте нигде не говорится, что тонувшему надо было перебраться на противоположный берег; тем не менее, это тоже быстро становится понятным (*через мост*

перешел). Подобного рода пропуски, недоговоренности (нередко таковыми и остающиеся) встречаются в большей или меньшей степени у всех информантов и зависят от умения или неумения говорящего держать в сознании нить рассказа, от сложности спонтанной речи; при этом понимание услышанного во многом зависит от знакомства с пресуппозицией.

2. Паузы в речи и их вербальные и невербальные заменители.

Иногда говорящий, испытывая затруднения в планировании и коррекции высказывания, прерывает речь. Пауза (в текстах она отмечена отточием) дает время проконтролировать правильность предыдущего речевого отрезка и подготовиться к произнесению следующей части планируемого высказывания. Вместо пауз часто появляются вставные звуковые элементы – разного рода 'эканье' [ээ], 'мычание' [мм] и т.п. звуки; используются также невербальные средства – смех, условно обозначаемый *(ой)-ха-ха-ха* (текст 1), покашливание. В функции заполнителей пауз могут выступать десемантизированные слова (частицы и даже местоимения) *вот, ну, ну это, так* и другие. Заполняя паузу, говорящий тем самым сокращает длительность перерыва в звучании и выигрывает время для продумывания последующего речевого отрезка.

3. Грамматические сбои и самоисправления.

Как правило, и говорящий, и слушающий проявляют равнодушие к нормам грамматики, обычно соблюдаемым автоматически. Естественно, имеются в виду лишь примеры тех ошибок, которые являются таковыми с точки зрения самого говорящего, лично их замечающего (формы типа *с меня* – диалектная или просторечная, которую рассказчик не может сам заметить и исправить, – в расчет не принимаются). В тексте 1 встречается грамматическая оговорка без самоисправления, но с последующим правильным употреблением числа: *смотрю два рыбака идет // приходят...* Во всем корпусе анализируемых текстов грамматические сбои – явление сравнительно редкое. Количество нарушений заметно возрастает в спонтанной речи людей с высшим образованием, пытающихся строить более сложные фразы и при устном общении, тогда как люди без образования предпочитают пользоваться простыми предложениями.

4. Избыточность выражения (плеоназм).

Желание уточнить сказанное приводит порою к избыточности в речи. Плеоназм выражается в употреблении местоимения и существительного, дублирующих друг друга, что особенно характерно для устного общения. В одном из текстов о разводе (не приведенном здесь среди образцов), имеющем обилие пауз, встречается речевой отрезок, состоящий из трех фраз (*потом уже... и... конечно же они... разводы... от них мы никогда не избавимся*), две из которых могут быть интерпретированы как обрывы предполагаемых высказываний на словах *конечно же* и *они...разводы* с использованием во втором случае плеоназма (*они...разводы...*). Аналогичные примеры: *вот эта неустроенность она складывается отпечаток; они как-то ну...эти снаряды не взорвались*.

5. Повторы слов и их сегментов (эхолалия).

Нередко в устном дискурсе встречаются повторы слов – так называемые эхоические слова и даже части недоговоренных слов. В сознании, как уже отмечалось, перебираются различные слова для обозначения действия и объекта, о которых человек собирается говорить; иногда принимаемое решение изменяется, но подготовленная артикуляционная база не успевает измениться, и тогда в речи возникают сегменты слов, как, напр., в тексте 1 – *зи*, возможно, свидетельствующее о первоначальном желании рассказчика сказать слово *зимой* (тогда здесь можно предположить начало фразы, так и не законченной, поскольку она вводила говорящего куда-то в сторону, типа '(тут) зимой...'). В тексте 2 встречается сегмент слова *уп*, после которого появляется и все слово *упали*: автор решил не производить самоисправления, а возобновить прерванное было сообщение.

Непроизвольно срывающееся с языка слово может свидетельствовать о желании говорящего выиграть время для продумывания дискурсивной стратегии – как наилучшим способом организовать текст; но это может свидетельствовать и о потере хода мысли, который путем паузирования пытаются восстановить, или о незнании информанта, о чем говорить дальше, и т.д. Тексты 1 и 1a содержат также эхоические слова (*холодина; холодина; плыли плыли*), контактно расположенные и механически, бессознательно повторяемые рассказчиком. Впрочем, эхолалия может быть и целенаправленной, выполняющей функцию усиления (см. об этом в описании следующей особенности спонтанной речи). Повторы таких слов, как *вот, так, там, так сказать, как говорится, grit*, получившееся в аллегорической устной речи из *говорит*, могут быть и дистантными. Они проскальзывают в речи иногда настолько самопроизвольно, бесконтрольно со стороны говорящего, что трудно даже предположить, что их назначение – выиграть время для продумывания следующего речевого отрезка. Чаще всего именно их принято называть ‘словами паразитами, сорняками, лишними словами, незначительными частицами, discursive particles’ и т.п., независимо от того, как их классифицируют с точки зрения психологической или с точки зрения структурирования дискурса. Однако повторы слов могут быть совершенно другого типа; в этом случае в их произнесении меньше автоматизма и они выполняют различные функции организации текста, хотя специального названия не имеют.

6. Структурирующие функции повторов: переключение на другую тему или возвращение к прежней теме, средства привлечения внимания к повествованию (апеллятивная функция).

Повторы слов могут сознательно использоваться в устной спонтанной речи в целях лучшего формирования структуры текста. В таких случаях повторы, как правило, бывают дистантные. Они наблюдаются в тех ситуациях, когда мысль уводит говорящего в сторону от основного сюжета, но затем рассказчик возвращается к своему первоначальному замыслу и продолжает прерванное повествование. Возврат к прежней теме происходит с помощью сочетаний типа *ну вот* (см. текст 1); *ну так вот; так, значит; так вот; короче одним словом* и др., сознательно употребляемых в речи, в отличие от слов ‘паразитов’, использование которых не контролируется. При подытоживании какой-то мысли обычно употребляется *вот*, как в тексте 1. В такой ситуации повторы выполняют функцию дискурсивного маркера. Функция повторов слов, участвующих в построении устного связного текста, неоднозначна, как неоднозначны функции и всех остальных средств передачи колебания, испытываемого говорящим: помимо названных функций возврата к прежней теме, это может быть функция, выражающая стремление выделить главное в рассказе, подчеркнуть последовательность событий, их начало и конец; оживить внимание слушающего, проверить, следит ли он за ходом действия; эту последнюю функцию (апеллятивную) обычно выполняет глагол *понимаешь* (текст 1, 1a), *помнишь, чувствуешь*. Повторы как определенное средство выражения различных значений в спонтанной речи полифункциональны: одну и ту же функцию (напр., апеллятивную) передают разные дискурсивные слова. С другой стороны, почти каждый дискурсивный элемент обладает не одной, а сразу несколькими функциями. Однако попытки, предпринимавшиеся неоднократно, определить конкретную функцию дискурсивного маркера до сих пор выглядят малоубедительными. Исследователи не различают многофункциональность одного и того же дискурсивного слова и одинаковость функции разных элементов дискурса [см., напр., Дараган 2000: 68-70].

Как было показано, одни особенности спонтанной речи носителей русского языка (наличие смысловых и словесных лагун; паузы и их заменители; грамматические сбоя, самоисправления; плеонастические повторы и бесконтрольные повторы слов и их сегментов) могут быть лучше поняты при учете психологической точки зрения, хотя лингвисты в состоянии своими силами выявить словарный запас слов-паразитов и

составить инвентарь средств речевых нарушений; другие (в большей или меньшей степени сознательно употребляемые и выполняющие определенные дискурсивные функции) являются по преимуществу объектом исследования лингвистов.

Селькупские тексты.

3. Ну ukkur p̄-g mē это qaryt это swoma это cel cel eisa / soma cēly // ну и Юрочка / qəlym... memmätə sötty sötty qəlymyt // ну ладно // qəssymyt ну... ciqyrlip... qyDaka qəssymyt / маленько ciqyrlip pissyt // а это celyt ciqyrlipy это ciqyrlī это перестал ciqyr... // Ну ладно / twəalə twənnymty qəssymyt // Вот // Tūrysä qwoltyssam... captäl'myt eisa // давношний было... ну это .. mättytu namyk eiya // mättyndy nōlä qəntysym // КуБука nōt essym калкан twotässym / twott esym // syrysä капкан illä qwoneissam // Coqololsam / sillaka putyl'mōssa // Так ладно qəttysyt // ну ладно / одного ukuryp qəttysymyt qəssymyt // Вот так / aj надо qəpqo // ладно / это это me это ej nēnnä qəlym // ej nēnnä s'eBylak cap qəssymyt // ej sit mättyllaka // куБука qəssymyt aj sit mätty qosymyt //

Буквальный перевод: «ну, один раз мы это утром это хороший это де...де... был, хороший день. Ну и Юрочка, пойдём-ка... хватит, ладно в лес лес пойдём! Ну ладно. Пошли ну...пороша... (информанты объясняли как 'трескучий, твердый снежок' – А.К.) ... немного...пошли. Маленько снежок лег. А это... дня снежок это снеж... это перестал снег. Ну ладно. Поодаль там отошли. Вот. Лыжной палкой пошевелили. В давности был (имеется в виду соболь – А.К.). Давношний было. Ну... это след его свежий (есть). По следу гоня шли. Понемногу догнали капкан поставили ...поставили. Снегом капкан прикрыли. Потыкали. Соболев выскочил. Так ладно. Убил. Ну ладно, одного, одного ударили ударили (=добыли). Вот так. Опять надо идти. Ладно. Это это...мы это опять вперед идем. Опять вперед немного едва пошли опять соболя след. Немного пошли опять соболя след нашли».

Данный рассказ кончается описанием того, как Юрочка в тот же удачный для охотников день схватил очередного соболя руками, выгнанного дымокуром из-под снега (за): sillaka putyl'mōssa // Aža qapkan kun totta totta / al'Bämyt putyl'mōssa // A sillaka putyl'mōssa / ёлки зеленые / а это совсем как üsserpaty это kukany kukany // нуja kuka // Mämeta Юрочка cüat! А он myta 'qojsä cüntam?' 'Memeta oraty!' Ну tər paktysa sillaka-to kuka nil'cyk äl'Bän / qəlymBa conDyka conDyka qəlymBa // orqylsyт // l'a / l'aqa / mämety orqylBät! // Qa orqylsam? Ni qwoj aš tomnyt // ёлки зеленые... kucce qat... qattysa sillaka / kucce qattysa? // orqylsam orqylsam / myta orqylpany // Схватил я / ёлки зеленые / держу я // Nyny я təpytkin подбежал / ёлки зеленые / ну смотрю / sillakar orqylpat somak orqylpat / twəal'myt orqylpat / ёлки зеленые // ну nil'cyk это... nil'cyk это... nik ничего / короче na cely me sompyla sip qəssymyt // na celyty // во видите ... так и moqynä qəssym // ну и все //

Буквальный перевод: «соболев выскочил... не капкан где стоит стоит / по стороне выскочил. А соболев выскочил ёлки зеленые / а это совсем как пьяный это качается качается / Стоит качается. «Ну же Юрочка стреляй!» А он будто «Чем выстрелю?» «Ну же лови!». Ну он побежал, соболев-то стоит так стороной (в стороне). Идет медленно медленно идет. Схватил. «Эй, друг, довольно уж, хватай!» Что я ловил... Ничего не говорит. Куда дел... делся соболев, куда делся? «Схватил-я схватил-я. Будто схватил. Схватил я ёлки зеленые, держу я». Тогда я к нему подбежал ёлки зеленые, ну смотрю, соболя схватил хорошо схватил, за шею схватил, ёлки зеленые. Ну так это так это так ...ничего, короче

4. Qumyt sötty kanaksä sötty qəssuoat. Pəqqyt mätty как-то mätty qol'cimpat // kanak погнали... как это у нас... nōlä qəssa pəqqyp // так // nōlasuat qəssa // pəqqylaka pəqqylaka pəqytmra // нупу qumyt увидели...увидели...увидели.. как это / как увидели-то? а! вчера qol'cimpat // а šuryr... kanak suryp numyt / это облизывает / nōmyt / nōtysoat // теперь никак

не складывается / ничего кроме šuryp əsyrgysuat // должно быть qassuatyt / если лось /
moqunä qəssuat // всё // а сохатый убежал // räqyylaka paktylä qəpra //

Буквальный перевод: «Люди в лес с собакой в лес пошли. Лося след.. как-то след увидели. Собака ...погнала... как это у нас... погнала (=гоняя пошла) лося. Так. Погнала. Лось, лось побежал. Потом люди увидели...увидели...увидели ...как увидели-то? а! вчера... увидели. А зверь... собака... зверь облизывает (это облизывает)...гонит...гонят. Теперь никак не складывается, ничего кроме зверя (медведя) повалили. Должно быть убили, если лось. Назад пошли. Всё. А сохатый убежал. Лось, убегая, ушел».

Особенности спонтанной речи носителей селькупского языка

1. Наличие смысловых и словесных лакун.

Текст 4 на селькупском языке выглядит, на первый взгляд, сумбурно: незаконченные фразы, неоднократные повторы; перестановки слов, наблюдаемые в связи с колебаниями рассказчика при построении речи; оговорки, самоисправления и даже пояснения на русском языке, специально сделанные для записывающего. Если первичная запись разговорной речи отражает основные особенности мало «причесанной» публикатором разговорной речи селькупов, то в препарированном виде текст выглядит следующим образом: «Люди в лес с собакой пошли. Лося след увидели. Собака погнала лося. Лось побежал. Потом люди увидели (лося). Собаки гонят. Медведя повалили (т.е. добыли, убили). Назад пошли. Всё. А сохатый убежал». В наличии большого количества коротких фраз таится языковая «спрессованность», а нередко и метафоричность. Интересно, что даже в этом коротком тексте в основном сохраняется типичный для селькупского языка порядок слов (SOV), лишь изредка изменяемый под влиянием русского языка. Много лакун и в тексте 3. Особенно затяжное непонимание возникает, когда рассказчик говорит о том, что палкой пошевелили (неизвестно, что), что-то было или кто-то давно был (кто – неизвестно), след (чей?) свежий остался... И лишь спустя еще несколько фраз, выясняется, что охотники напали на след соболя: sillaka putyl'mössa «соболь выскочил». В самом начале этого же текста автор хотел сказать что-то про qəryt «утро», но исправился, и сообщил, что был *soma cely* «хороший день».

2. Паузы и их вербальные и невербальные заменители.

Паузы, как и в приведенных ранее русских текстах, много; их заполнителями являются, в отличие от русских текстов, в основном слова, заимствованные из русского языка, свидетельствуя не только о психологически объяснимом явлении выигрывания времени для продумывания очередного речевого отрезка, но и о типичном для билингвизма смешении кодов. У рассказчика текстов 3, 3а излюбленным словом «паразитом» выступают отдельные русские слова и обороты *ёлки зеленые, ну, это, ладно*. Слова-сорняки – явление, сравнимое с эпидемией, заразное; оно надолго «прилипает» привязывается к человеку (подобно знаменитому *Режьте билеты, режьте билеты, режьте осторожней...*). От таких слов трудно избавляться. Не случайно в Фарково один селькуп, без конца вставляющий в свою селькупскую речь в качестве слова-паразита сочетание, заимствованное из русского языка, получил прозвище *Ёлки-палки*. Многие из этих слов и их сочетания образуют в тексте эхоические слова (текст 3, 3а).

3. Грамматические сбои и самоисправления.

Грамматические сбои в современной спонтанной речи селькупов исключительно часты, как и признания говорящих в том, что они забыли какое-то селькупское слово, не уверены в какой-то грамматической форме и т.д. Дешифровщик текста 3, хорошо знающий родной язык, указывал, напр., что форма qəssumt «добыли» относится к действию, производимому двумя человеками, а форма на -mut (qəssymut и т.п.) означает действие, совершаемое многими. Однако формы Du и Pl в его же речи, как и в речи других

носителей языка, часто смешивались, что видно и по приведенному отрывку. В этом же тексте глагол *qattysumyt* тотчас исправляется на *qassumyt* «убили, добыли». Состояние еще большей неуверенности в знании родного языка, колебания в выборе верного решения видны также на примере текста 4, представляющего собой рассказ по картинке, изображающей охоту на лося.

4. Повторы слов и их сегментов.

Эхолалия слов в селькупском тексте не менее часта, чем в русском. В текстах 3, 3а, 4 их много как среди селькупских слов, так и среди русских: *kukany, kukany* «качается, качается»; *nil'syk это... nil'syk это* «так это... так это»; *капкан twotässym / twottəsym* «капкан поставили поставили»; *это это*. Иногда эхолалия возникает за счет перевода с русского на селькупский: *одного ukuryp qattysumyt* «одного одного убили (добыли)». Есть повторы и сегментов слов (текст 3): *cel, cel ɛisa / soma cely* «ден, ден был, хороший день»; *nik* вместо *nil'syk* «такой»; (текст 3а) *kuccɛ qat... qattysa sillaka / kuccɛ qattysa?* «куда дел... делся соболь, куда делся?»; отрицательная частица *ašša* сокращается до *aš*, которая может повторяться.

5. Структурирующая функция повтора.

Как и в русских спонтанных текстах, в селькупских есть дистантные повторы, основная функция которых состоит в связывании текста. Обычным дискурсивным маркером в селькупских текстах служит слово *nyu* «потом» (напр., *Nynu tarjanna. Nynu tāt qit mātynuda. Nynu nil'cik kətyty* «Потом залетовали. Потом человек чум поставил. Потом так сказал») или слово *memeta* и все его фонетические варианты из текстов 3, 3а. Селькупское слово *memeta* (*memäta, mämmätə, mämätä, mämäty, mämmäta*) можно приблизительно перевести как «хватит, довольно, ладно, давай же, ну же». В ненецком языке (большеземельский говор) есть междометие *мэсь иэя* в значении «хватит, ладно». В книге «Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам» Н.М. Терещенко указывает на существование в фольклоре своеобразной словесной формулы, связывающей один эпизод с другими; в западных говорах это – слово *мэнеко* (*мынеко*), которое она переводит как «сказ» [Терещенко 1990: 117]. В отношении селькупского языка вряд ли можно говорить в аналогичном случае о слове *memeta* и его вариантах как об особом приеме, организующем повествование и адекватном в этом смысле слову *nyu* «потом». Скорее здесь можно говорить о повторе, часто используемом рассказчиком в качестве понуждения к действию (в данном конкретном случае сына Юрочки), и именно благодаря этому участвующем в структурировании текста, но не указывающем на последовательность событий. Данный повтор по своему назначению ближе всего к апеллятивной функции языка: он создает дополнительное напряжение у слушателя, сдвигающего дальнейшего развития сюжета.

В селькупских сказках, которые можно рассматривать как особую форму спонтанной устной речи, поскольку в них часто проявляется творческое начало рассказчика, нередко встречаются диалоги, связанные между собой по принципу эха. Они состоят из двух реплик, принадлежащих разным участникам диалога; высказывания тождественны во всех отношениях, и реплика отвечающего на вопрос представляет собой передразнивание спрашивающего [Кузнецова 1987: 38]. Можно утверждать, что эхолалия во всех видах своего проявления представляет собой типичную черту селькупского дискурса. Не менее характерной его чертой служит склонность говорящих регулярно задавать вопросы риторического свойства, желая обратить внимание слушающих на происходящее. Эти вопросы напоминают такую черту связного текста, как повторы, выполняющие функцию дискурсивного маркера: *Ira cūrɣsa, cūrɣsa, nōty qaj metyty? Imamty nōlä qəssa* «Старик плакал, плакал, дальше что сделает? Жену догоня пошел». Ср. текст 3а: *kuccɛ qattysa sillaka?* «Куда делся соболь?».

Подытоживая комментарии к текстам, можно ответить на поставленные вопросы.

1. Общими чертами спонтанной речи в двух сравниваемых языках являются некоторые проявления многочисленных колебаний (хезитации) говорящих – паузы, разного рода повторы, обрывы предложений и слов, грамматические и смысловые эллипсы, реже – самоисправления замеченных ошибок в собственной речи.

2. Специфическими приметам связного текста, полученного в результате спонтанной речи, в русском языке можно считать большое количество разнообразных слов-паразитов, произносимых бесконтрольно, и частые случаи плеоназма. Для селькупского текста характерно наличие слов-паразитов, взятых из русского языка, что свидетельствует о смешении кодов, типичном для зон языкового контактирования. Своеобразный прием эхоталии в селькупских связных текстах состоит в дублировании не только одного и того же слова на родном языке или на русском, но и на двух языках сразу: за исконным словом следует его русский перевод (соответствие).

3. Среди дискурсивных элементов в обоих языках можно выделить слова, сознательно употребляемые и обладающие определенными функциями, такими, как функция оживления ослабевающего внимания у слушателя (апеллятивная); функция, указывающая на последовательность речевых отрезков, на завершение конкретного высказывания или на начало нового и др.

4. Случаи сходства в порождении связных текстов в русском и селькупском языках объяснимы причинами психологического характера: свойственные говорящим обоих языков приметы спонтанной речи (паузы, повторы, обрывы предложений и слов, вставные элементы в речь, эллипсисы), позволяют выиграть время для продумывания стратегии дальнейшего высказывания. Расхождения в конкретных способах заполнения пауз, использования эхоических слов, наблюдаемых в районах с билингвизмом, где имеется смешение кодов, получают объяснения с социолингвистической точки зрения. В ряде случаев перестановки местами слов в речевом потоке могут быть объяснены не только психологически или с позиций социолингвистики, но и с учетом лингвистики. Различие доминирующих основных порядков слов в языке флективном типа русского (SVO) и в языке агглютинативном типа селькупского (SOV) ведет к тому, что, с одной стороны, селькуп-билингв начинает строить фразу по законам русского языка, с другой стороны, спохватившись, исправляет ее, следуя правилам родного синтаксиса.

Литература.

- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М., 2000.
Гармаш Н.Г. Влияние хезитации на организацию устного детского дискурса. – М., 1999.
Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Диалог 2000. Т.1. – Протвино, 2000, с. 67-71.
Кузнецова А.И. Речевые акты в сказках тазовских селькупов // Строй самодийских и енисейских языков. – Томск, 1987, с. 31-39.
Миронова Н.И. Нейтрализация несимметричности межличностных отношений коммуникантов в ходе речевого акта (методические рекомендации по проведению экспериментов, объектом которых является спонтанная речь) // Речь: Теоретические и прикладные аспекты. Вып.1. Под ред. Л.В. Златоустовой. – М., 1999, с. 341-357.
Терещенко Н.М. Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. – Л., 1990.

The Resemblance and Difference in Spontaneous Speech of Monolingual and Bilingual: Factors Influencing the Construction of Discourse in Russian and Selkup Ariadna I. Kuznecova

The present paper tells about the peculiarities of spontaneous speech in Russian and Selkup. From point of view psycholinguistics, sociolinguistics and linguistics discursive elements are described. Their functions are defined. The causes determining resemblance and difference in speech production in Russian and Selkup are exposed.